

Глава 19

Нежданная встреча

...hi?

Гу Цянь редко совершал добрые поступки. Его запасы морали были весьма ограничены, а доброта и вовсе выдавалась гомеопатическими дозами. Лишь в исключительных случаях он мог пойти на поводу у минутного порыва и помочь кому-то, но даже тогда в его действиях должна была прослеживаться безупречная внутренняя логика.

К примеру, Сяо Су вызывал в нём сочувствие, потому что одиночество этого мальчишки напоминало ему о Чэнь Сы. А вид брошенного в больничной палате ребёнка заставлял вспомнить самого себя. К тому же весь его жизненный опыт кричал об одном: попытки протянуть руку помощи редко заканчиваются чем-то хорошим.

В этом был весь он — человек, вечно взвешивающий каждый шаг.

«Стоит ли вмешиваться? Не выйдет ли всё как всегда? Снова поймут превратно?»

Даже в то мгновение, когда он рванулся вперёд, в голове набатом били эти вопросы. Но когда подошва ботинка встретилась с омерзительной физиономией, а под ногой ощутилось податливое сопротивление плоти, сменившееся сочным глухим ударом... всё остальное перестало иметь значение.

Кайф!

Юноша повалился на спину, и на плитке расплылось тёмно-алое пятно. Он забился на полу, точно выброшенная на берег рыба, издавая невнятное мычание. Вся его спесь была растоптана одним точным ударом; на смену ей пришли лишь ужас и ледяной страх.

Цзи Лююнь подбежал следом, с силой наступив поверженному на живот, и присел рядом с Гу Цянем.

— Тот удар был просто потрясающим! Нога не болит? Дай посмотрю, вдруг ты её вывихнул.

— Убивают! Среди бела дня убивают! — истошно завопил мужчина средних лет, кидаясь к ним.

Ледяная ярость Шэнь Цзяньвэя испарилась в тот самый миг, когда Гу Цянь нанёс удар. Все его

чувства будто встали на паузу.

— Доктор Шэнь, доктор Шэнь! — голос медсестры вырвал его из оцепенения.

Шэнь Цзяньвэй опомнился и хотел было броситься на защиту юноши, но коллеги из того же отделения мёртвой хваткой вцепились в его халат.

— Стой здесь! Если ты сейчас вмешаешься, этот папаша со своим сынком из тебя всю душу вытрясут.

— Охрана уже идёт, мы всё видим. Если что-то пойдёт не так, мы вмешаемся, но ты — ни шагу отсюда!

— Пустите! — Шэнь Цзяньвэй отчаянно пытался вырваться. — Он за меня заступился! Если я сейчас останусь в стороне, кем я буду? Снова появится новый Линь Му, который умрёт вместо меня?!

При упоминании этого имени у врачей на глаза навернулись слёзы. Эта рана была слишком свежей, она болела так остро, что перехватывало дыхание.

— Тем более мы тебя не пустим! — двое коллег до хруста вцепились в его руки, их голоса дрожали. — Мы не можем потерять ещё одного Линь Му.

Группа людей в белых халатах плотным кольцом окружила Шэнь Цзяньвэя.

Тем временем мужчина средних лет устроил настоящую истерику. Он катался по полу, вопя о несправедливости, и, не обращая внимания на то, что его одежда пачкается в крови собственного сына, требовал от больницы компенсации.

— Ах ты, сирота проклятая! — взвизгнул он, глядя на Гу Цяня.

В глазах Цзи Лююня вспыхнула первобытная ярость. Он резко выпрямился, заноса ногу для удара. Одного этого движения хватило бы, чтобы досрочно организовать мужчине поминки.

— погоди! — Гу Цянь перехватил руку напарника.

— Он оскорбляет тебя, — процедил Цзи сквозь зубы. — Очень грязно оскорбляет.

— Я знаю, — Гу Цянь слегка сжал его ладонь. — послушай меня: ты не должен вмешиваться.

Хотя на душе у него было паршиво, он не мог допустить, чтобы дело дошло до настоящих

жертв.

«Детдомовец. Сирота»

Это слово, точно отточенный клинок, вонзилось в самое больное место. И ведь не поспоришь — в глазах мира он был именно таким: человеком с клеймом беды, приносящим несчастья.

Юноша до боли сжал кулаки, так что ногти впились в ладони. Горечь и старая обида всколыхнулись в груди, точно колючий терновник, сжимающий сердце. Такова уж природа людей: они мастера находить самые ядовитые слова, чтобы ударить по больному. Злоба не ищет причин, а за доброту всегда приходится платить.

Гу Цянь прекрасно это понимал, и в его душе бушевали негодование и протест. Но именно поэтому он лучше других знал, что такое слабость и беззащитность.

С какой стати всё должно быть именно так?

Шэнь Цзяньвэй вчера провёл за операционным столом десять часов, спасая восьмилетнюю девочку, а сегодня вынужден молчать, вынося издевательства какого-то проходимца. Линь Му до последнего вздоха думал о своих пациентах, а в итоге принял смерть от руки одного из них.

Заболели — бейте врача. Закончились лекарства — кляните врача. Долго ждёте в очереди — орите на врача. Не вышло вылечить — подавайте в суд. Эти люди, надев белые халаты, возводятся обществом в ранг спасителей, но не получают даже крупницы элементарного уважения. Они спасают жизни, глотая обиды и дрожа за собственную судьбу.

В этом мире хищники восседают в залах, а шуты наносят грим.

Юноша быстро взял себя в руки. Никто, кроме него самого, не смел его обижать, а долги он привык возвращать на месте. Он оттеснил Цзи Лююня себе за спину и тихо приказал:

— Стой здесь. Я сам.

Златовласый, клопоча от гнева, всё же подчинился и замер.

В пальцах Гу Цяня вспыхнула едва заметная искра духовной силы. В мгновение ока мужчина и его сын оказались пригвождены к месту — они не могли ни пошевелиться, ни вымолвить слова, лишь издавали жалкие, приглушённые звуки. Практик Инь присел перед ними, приняв вид человека, который полон сострадания и искренне желает воззвать к их совести.

Кто-то из толпы даже крикнул парню, чтобы он держался подальше от этой семейки. Юноша успокаивающе поднял руку, излучая почти святое благородство.

— Всё в порядке. Позвольте мне поговорить с ними. В конце концов, я тоже сорвался, и мне очень жаль.

— Но ведь они первые начали! — пробормотал Цзи Лююнь.

— Молодой человек, не тратьте на них время!

— Верно, мы всё видели! Этот верзила первый распустил руки!

Среди голосов поддержки слышались и другие:

— Да не лезьте вы. Парень-то не промах, кто ещё посмеет так вмазать...

Чаша весов склонялась на его сторону, но этого было недостаточно. Он склонился к отцу и сыну и произнёс так тихо, чтобы слышали только они:

— Мать вашу, вы и ваш сынок... от таких, как вы, обществу один вред. Самый большой вклад в развитие страны, который вы можете сделать — это сдохнуть и выписаться из реестра живых. Зачем вы вообще небо коптите? За столько лет потребления благ пора бы уже и пользу принести.

Гу Цянь в течение минуты вдохновенно поносил их до седьмого колена, сохраняя при этом на лице вежливую и терпеливую улыбку. Со стороны казалось, что добропорядочный юноша пытается наставить грешников на путь истинный. Даже подоспевшие охранники замерли в замешательстве.

«Что это? Схождение благодати?»

Выплеснув яд, практик Инь почувствовал, как на душе стало легче. Он поднялся, отступил на пару шагов и щёлкнул пальцами. Духовная завеса спала, и отец с сыном, не успев осознать, что произошло, по инерции разразились бранью.

— Ах ты, мелкий выродок! Да как ты смеешь такое говорить!

Гу Цянь за пять секунд разыграл целую гамму чувств: от крайнего изумления до глубокой скорби и праведного гнева. Он повернулся к ним и чётко, во всеуслышание произнёс:

— Вы! Посмотрите на себя! Эти люди в белых халатах спасают жизни! До какой черты вы собираетесь их довести? Неужели вам нужно, чтобы врачи боялись выходить к людям и прятались за дорогостоящим оборудованием?!

Но дебоширы были не из тех, кто слушает доводы разума; их крики стали ещё громче. Юноша с притворным бессилием обернулся к толпе:

— Вы сами видите. Я пытался по-хорошему, но они не желают слушать.

В толпе слышались сочувственные вздохи.

— Бедный мальчик... — проговорила какая-то старушка.

— Всё правильно сказал. Какой золотой ребёнок!

— У меня дочка медсестрой работает, я больше всего боюсь, что ей такие же типы попадутся.

Голоса слились в общий гул осуждения, направленный на отца и сына. Большинство присутствующих сверлили их гневными взглядами, хотя кто-то и хмурился в сомнениях: «Что-то тут не так...»

Этого всё ещё было мало для того эффекта, которого добивался Гу Цянь. И он выложил свой последний козырь.

— Я действительно сирота, и, возможно, мне не хватает воспитания. Но слышать такое... всё равно очень больно.

О боли нужно говорить вслух — только тогда другие поймут, что ты ранен. Практик Инь смешал правду с актёрской игрой так искусно, что его глаза действительно покраснели. И это стало детонатором.

— Хватит ломать комедию, щенок! — мужчина бросился на него.

Его сын тоже начал подниматься с пола:

— Прикончу гада!

Толпа взорвалась негодованием.

— Хватит!

— Опять за своё?! Парень к ним по-человечески, а они...

— Охрана! Где охрана?!

Охранники только этого и ждали. Они навалились на буянов, прижимая их к полу.

— Он меня ударил! Он сына моего побил! — продолжал верещать мужчина.

— И правильно сделал! — выкрикнул кто-то из толпы.

— Так вам и надо! Пусть будет уроком!

Симпатии публики окончательно перешли на сторону Гу Цяня. Теперь, даже если эта история получит огласку, на репутацию больницы не упадёт ни тени.

Это было второе правило, которое практик Инь усвоил, выйдя в большой мир: либо превращай большую проблему в маленькую, либо раздувай маленькую до таких масштабов, чтобы её невозможно было решить. В мутной воде всегда проще найти выход.

Откашлявшись, он почувствовал, как саднит горло от «входа в образ».

«Приходить в больницу — значит каждый раз чувствовать горечь. И вообще, творить добро — занятие крайне утомительное»

Раздался одинокий хлопок, затем ещё один, и через мгновение весь холл наполнился громом аплодисментов.

— Молодец, парень!

Овации нарастали, люди наперебой хвалили его.

Гу Цянь промолчал.

«...»

Он привык к тому, что холодность и безразличие — это норма. И хотя в последнее время он учился принимать чужую доброту, к такому бурному признанию он явно не был готов. Складывалось ощущение, будто он совершил нечто по-настоящему героическое.

— Мальчик, как тебя зовут?

— Дай свой номер, сходим куда-нибудь!

— Держи, деточка, угощайся.

Он понимал, что это была лишь игра, но искренность этих людей заставляла его чувствовать укол совести. Не давая себе времени на раздумья, Гу Цянь схватил Цзи Лююня за руку и бросился прочь.

Они бежали мимо клумб, мимо корпусов и парковки. Ветер свистел в ушах, растрёпывая волосы, но не мог унять странного смятения в душе. Лишь оказавшись за воротами больницы, юноша остановился, тяжело дыша. Напарник тут же принялся заботливо похлопывать его по спине.

— Дыши глубже, сейчас пройдёт.

Убедившись, что Гу Цянь пришёл в себя, он расплылся в горделивой улыбке:

— Боже, ты был просто великолепен! Самый крутой! — И, не теряя момента, добавил: — Мы с тобой — лучшая команда.

Заметив, что тот по-прежнему молчит, Глупый Пёс подался ближе:

— Тебе всё ещё плохо? Хочешь, я вернусь и ещё раз им вмажу?

Цзи Лююнь воинственно нахохлился, его золотистые волосы забавно топорщились в разные стороны. Гу Цянь не выдержал и рассмеялся, потянув его за рукав:

— Когда это ты стал таким драчливым?

— Ну они же про тебя так говорили... — пробормотал златовласый, не забыв при этом покрепче приобнять практика Инь, пользуясь случаем. Их тени слились в одну на залитом солнце асфальте.

В этот момент к ним подбежал запыхавшийся Шэнь Цзяньвэй.

— Ну и... ну и бегаете же вы. Молодость, что тут скажешь.

Врач так спешил, что не успел обработать свою рану. Он заскочил в ближайшую аптеку и купил антисептик с бинтами. Как профессионал, он понимал, что рана не задела крупные сосуды — так, повреждение поверхностной вены, хотя крови было порядочно. Однако ровный срез мешал естественному сворачиванию крови, так что перевязка была необходима.

Пока Гу Цянь говорил по телефону, Цзи Лююнь вызвался помочь с обработкой. К удивлению

Шэнь Цзяньвэй, тот действовал весьма уверенно. Он прижал артерию выше раны, проверил, не осталось ли в ней инородных тел, и наложил давящую повязку под углом сорок пять градусов.

Всё было сделано безупречно.

— У тебя набита рука. Где-то учился? — поинтересовался Шэнь.

— В кино подсмотрел. Я парень серьёзный, три раза пересматривал, — с самым важным видом ответил златовласый.

— И что за учебный фильм?

— О, очень познавательный, — подтвердил тот. — «Пила».

Шэнь Цзяньвэй: «...»

Гу Цянь мельком взглянул на них, и, не меняясь в лице, продолжил разговор. На том конце провода Чэн Ушэн вещал:

— Я пришлю адвокатов, тебе не нужно в это ввязываться.

Связи семьи Чэн позволяли замять подобный инцидент без труда. И хотя это было кстати, юноша, нанося удар, вовсе не планировал пользоваться могуществом корпорации «Цзинтянь». Однако Чэн Ушэн был непреклонен.

— Зачем ты мне помогаешь? — не выдержал Гу Цянь.

Это ведь был далеко не первый раз. Чэн Ушэн до сих пор так и не объяснил, почему решил забрать его из психиатрической больницы «Инсюэ». Даже когда Гу Цянь стащил драгоценное украшение, тот не предпринял никаких карательных мер. Более того, он позволял обдирать себя как липку, выплачивая Цзи Лююню зарплату каждый день.

Практик Инь никак не мог понять его мотивов, а потому спросил в лоб:

— Чэн Ушэн, скажи прямо... я ведь что-то забыл, верно?

На другом конце трубки кузен заметно занервничал.

— Ты... ты всё-таки узнал?

— Ты ведь тогда кого-то убил на моих глазах, да? — Гу Цянь негромко кашлянул, скрывая сомнение. — А я об этом позабыл?

Чэн Ушэн молча повесил трубку.

В узком переулке отец и сын, полные ненависти, обсуждали свои планы. Они рассчитывали сорвать жирный куш, но появление адвоката вмиг разрушило их надежды.

— Так это оставлять нельзя, — процедил отец, скрежеща зубами.

— Этот щенок и врач наверняка ещё в больнице, — мужчина потер распухший нос. — У меня есть пара знакомых парней, они помогут.

— Смерти достоин этот выродок. Сразу видно, что рос без родителей... научим его, как со взрослыми...

Договорить он не успел — на вход в переулок упала густая тень. Группа молодых людей перекрыла все выходы. На них были приталенные куртки с воротниками-стойками, заправленные в сапоги брюки — весь их вид дышал опасной уверенностью. Раздался гул мотора, и в тесное пространство медленно въехал тяжёлый мотоцикл.

Юноша, сидевший за рулем, снял шлем, открывая красивое, но пугающее своей порочностью лицо. Он коснулся ногой земли, небрежно поправил волосы, и его серьга блеснула холодным светом. Посмотрев на них сверху вниз, он произнёс ленивым, но давящим тоном:

— Так это вы тут глотку драли?

Чэнь Сы уже собирался уходить, когда заметил несколько чёрных седанов. Он вежливо кивнул вышедшему из машины мужчине в очках.

— Помощник Чжан.

— Мастер Чэнь.

Чэнь Сы мгновенно догадался об их цели и кивнул в сторону подворотни:

— Они там.

Помощник Чжан поблагодарил его, и отряд людей в строгих костюмах последовал за ним вглубь переулка. Он поправил очки, стёкла которых сверкнули холодным отблеском, и посмотрел на забившихся в угол отца с сыном.

— Так это вы тут глотку драли?

— Простите, я сегодня совсем потерял самообладание.

Шэнь Цзяньвэй, прижимая к груди белый халат, шёл следом за Гу Цянем по переулку Уван.

— Пустое, — бросил тот, не оборачиваясь. — Скоро ты потеряешь его окончательно.

Цзи Лююнь таинственно добавил:

— Лучше приготовься. Скорее всего, ты будешь плакать.

Шэнь Цзяньвэй невольно усмехнулся. Эти двое будто были созданы для того, чтобы выступать дуэтом. Он посмотрел на идущего впереди юношу. Тот казался холодным и нелюдимым, но в его отношении к миру чувствовалась какая-то странная мягкость и даже мудрость. Вспоминая слова парня в больничном холле, Шэнь подумал, что этот ребёнок — удивительно искренний и в то же время вызывающий сочувствие.

— Вернулись! — ещё издали крикнул дядя Ли.

Гу Цянь кивнул и, подойдя к своим воротам, торжественно подтвердил:

— Да, мы дома.

Цзи Лююнь просиял:

— Да, мы дома!

Шэнь Цзяньвэй, погружённый в свои мысли, только сейчас заметил, что в этом переулке, кажется, живут только эти две семьи. Окружающее запустение навевало мысли о том, что из такого места живым не выбираются. Его взгляд упал на красные вымпелы у входа. Зрелище было необычное — мало кто выставляет подобные награды прямо на воротах.

Ворота закрылись.

Гу Цянь повернулся к Шэнь Цзяньвэю и серьёзно произнёс:

— Мне двадцать один.

— Это я уже слышал.

— А ему — за четыреста, — юноша указал на Цзи Лююня.

Шэнь Цзяньвэй смерил златовласого взглядом.

— ...Не похоже.

— Я о возрасте. Он — призрак.

Шэнь Цзяньвэй переводил взгляд с одного на другого. Его душевное состояние в последнее время было настолько шатким, что реальность казалась зыбкой, и это абсурдное заявление он принял со странным спокойствием.

— Это такая шутка? — спросил он, не принимая, но и не отрицая услышанное. — И это то, из-за чего я должен выйти из себя? Вы...

Он замолчал. Смерть Линь Му была настолько внезапной, что тот не успел оставить никаких прощальных слов. Но этот юноша утверждает, что знает его волю. И у него есть его блокнот. Всё то, что казалось бессмыслицей, внезапно обрело логику.

Ему хотелось спросить: «Ты видел его? Видел Линь Му после смерти?» Но слова застряли в горле.

Гу Цянь заметил его замешательство, но ничуть не удивился. По законам этого мира не стоит рассказывать живым о мёртвых — это лишь множит скорбь. Несказанные слова и неисполненные желания превращаются в тяжкое бремя. Но случай Шэнь Цзяньвэя и Линь Му был особенным. Один не мог отпустить, другой хотел уйти. Возможность высказаться была для них единственным шансом на спасение.

— В общем, — подытожил Гу Цянь, — тебе придётся принять тот факт, что призраки существуют.

С этими словами он достал из сумки ногу и велел Цзи Лююню снять протез и закатать штанину. Шэнь Цзяньвэй наблюдал за этим процессом во все глаза.

Это было невероятное зрелище. Конечность идеально состыковалась с телом, угол за углом,

линия за линией. Ни капли крови, ни одного шрама — нога просто встала на своё место, будто всегда там и была.

— Я в порядке! — Цзи Лююнь радостно запрыгал, не забыв похвастаться перед врачом. — Видал? Вот так призракам приставляют потерянные части тела.

Шэнь Цзяньвэй попытался это осмыслить, но разум сдался первым.

— Спасибо, — вымолвил он. — Я обогатился знанием, которое мне в жизни точно не пригодится.

Не успел он договорить, как со второго этажа донёлся грохот. Что-то с шумом покатилося вниз по лестнице, и части марионеточного тела рассыпались по полу. Линь Му, пытавшийся подслушать разговор, кубарем скатился вниз. Он замер у подножия лестницы, глядя на всех с полнейшим недоумением.

Одна из его рук докатилась прямо до ног Шэнь Цзяньвэя.

— Никогда не говори «никогда», — заметил Гу Цянь, глядя на конечность. — Кажется, знания всё-таки пригодились.

Шэнь Цзяньвэй застыл как вкопанный. Он долго смотрел на лежащую у его ног руку, прежде чем набраться смелости и поднять взгляд. Его глаза медленно скользнули по рассыпанным деталям и, наконец, остановились на лице Линь Му.

Тот смущённо поднял свою единственную оставшуюся руку.

— ...hi?

<http://bllate.org/book/15848/1436122>